

Неделя финской культуры

ФИНСКИЙ АРЛЕКИН

Алексис Киви написал комедию «Сельские сапожники» в 1864 году. Комедия эта давно стала классикой финской драматургии. «Киви — это первая самобытная и могучая поэтическая личность в финской литературе», — писал финский критик.

«Крупнейший реалист, великолепный знаток народного быта и национального характера...». В таких выражениях описывается обычно творчество любого критического реалиста прошлого века, пишущего на народные темы. Именно такое впечатление оставляет при чтении народная комедия Алексиса Киви. Сочный, несколько тяжеловатый язык, неторопливое развитие сюжета, обилие «разговорных» бездейственных сцен, где герои долго объясняют друг другу то, что им (и зрителю) давно известно. Но для сегодняшней сцены этого уже мало. Вояд ли современного зрителя всерьез заинтересуют одни лишь подробности быта финской деревни XIX века.

Мы знаем десятки примеров на советском театре, когда русская классическая драматургия со сцены преподносилась в качестве живой иллюстрации к истории быта, костюмов и нравов прошлого века и составляла репертуар утренних спектаклей для школьников «с познавательной целью».

Позавчера комедия Киви была сыграна в зале театра «Эстония» артистами Финского национального театра. Это было первое знакомство наших зрителей с этим коллективом (театр приезжал в Таллин тридцать лет назад — наверное, тогда это был другой театр). Из прекрасно изданного к эстонским гастролям проспекта мы узнаем, что в репертуаре театра — пьесы Стриндберга, Сартра, Дюрренматта, Фриша, Бекетта, Ионеско, Петера Вайсса, современных финских драматургов. Простое перечисление этих имен уже дает представление если не о творческом стиле театра, то, по крайней мере, об идейно-тематических устремлениях его. И вот для первого знакомства театр привез в Таллин пьесу Киви — и ничего больше.

Вилхо Сииволой, представляя собой органический сплав национальных традиций и сегодняшнего мироощущения художника.

...Звучит нехитрая народная мелодия, сразу настраивающая на «сельский колорит». Открывается занавес. На сцене — крестьянская изба. В грубой беленой печке — огонь. На прокопченной стене — глиняная посуда. Старая кровать, на которой рождались и умирали поколения сапожников Нымме. Скамьи, грубое кресло-качалка — все старое, живое, теплое, отполированное многими человеческими руками, все — невероятно натуральное. И люди здесь живут медленно, обстоятельно, абсолютно натурально. Медленно крутятся жернова сознания отца семейства Топиаса (артист Каарло Халтунен). Неторопливо беседует он с местным ученым пономарем Сепетеусом (артист Лео Рьютту). Даже бурный нрав хозяйки дома Марты (ее прекрасно играет Марья Корхонен) как-то очень вписывается в атмосферу устойчивого традиционного существования. Ее скандалы — тоже часть неколебимых устоев. Молодая девушка Яана, воспитанница Марты, обстоятельно переживает традиционную драму — опекуны препятствуют ее браку с любимым из-за наследства. Ивари, непутевый сын Марты и Топиаса, буянит в рамках традиций (недостаток мастерства молодой Ристо Пальм с избытком компенсирует неистовым напором и темпераментом). Есть в пьесе и наперсник героя, балагур и насмешник Микко Проворный (его профессионально, но без особого блеска, играет Сакари Юрка).

Прижимистые отец и мать, все жизненные стимулы которых — в сколачивании копейки; сельский служитель бога, изрекающий по ходу действия нравоучительные сентенции; несчастная воспитанница с пропавшим без вести и чудесно появившимся в финале отцом-моряком; живущее параллельно с основными героями праведное семейство трудолюбивых крестьян — весь этот традиционный набор персонажей народной бытовой драмы вместе с подроб-

надежду, тягу к чудесному и прекрасному вкладывает народ в своего милого и мудрого дурака. У каждого народа есть свой Иванушка. Финский сегодня для нас воплотился в артисте Эско Салминене.

Внешне он незабываем. Нечесанные белесые вихры, круглые светлые глаза на безбровом глуповатом лице, красноватый длинный нос, рот до ушей. Руки неуклюже и бестолково хватают предметы, как это бывает у маленьких детей. Отсутствует привычная координация движений, нет выработанных опытом взаимоотношений с миром — ко всему Эско прикасается как бы впервые.

Первый акт. Эско собирают в дорогу к невесте. Родители жаждут перехватить наследство. Микко Проворный надеется в качестве свата весело провести время на денежки Эско, пономарь тоже не остается в стороне, переживания Яаны не лишены меркантильных интересов. Но все это проходит мимо Эско — Эско Салминена (мы не фаталисты, но, ей богу, в совпадении имен артиста и его героя что-то есть). Его всецело занимает отцовский свадебный фрак и цилиндр, и еще — возможность поставить свой крестик в свадебном документе, и еще — случай спеть выученную в детстве свадебную песню. Надо видеть, как поет Салминен. В отличие от тургеневского Яшки-турка у Эско нет голоса и слуха, но это не беда. Он так же подымает голову, долго молчит, его лицо светится высоким вдохновением; он поет куплет — замолкает, все так же подняв голову, и — из глаз его льются слезы. Быстро отерев их рукавом, он отплясывает дикий танец — припев — и... опять замирает, опять поет. А что фальшивый резкий голос создаст неожиданный комический эффект — так на то и комедия, а Эско Салминен великолепно чувствует жанр и способ игры в нем.

Второй акт. Эско приходит в деревню, где живет его невеста, входит в дом и... попадает на свадьбу своей невесты с соседом-сапожником. Казалось бы, трагедия, взрыв? Но Эско, как ни в